

Тан Кайци подлил Чжун Маню воды и сказал:

— Ты посиди пока, а я к старосте сбегаю, позвоню бате, спрошу, до какого срока аренда.

— Хорошо.

Услышав, как Тан Кайци ушёл, Чжун Мань от нечего делать принялся размышлять о будущем.

Если срок аренды ещё не истек, его возвращение будет выглядеть как захват чужого места. Впрочем, он помнил, что в доме были две восточные комнаты. Если они пустуют, он мог бы обустроиться там, а семье Тан в счет неудобств продлить аренду.

Сейчас важнее всего было закрепить и найти способ вылечить глаза.

«Мяу...» — раздалось тихое мяуканье. Чжун Мань прислушался, не понимая, может ли это быть та самая Мими.

Уезжая в город, мама оставила кошку Тан Кайци. Прошло больше десяти лет, вряд ли она ещё жива.

— Мими, Мими? — позвал он пару раз, но кошка не отозвалась.

Чжун Мань что-то вспомнил и попробовал позвать:

— Куайкуай?

— Мяу...

Кошка отозвалась, легким прыжком заскочила к нему на колени и, мурлыча, начала тереться о руку.

Чжун Мань, поглаживая животное, в ярости стиснул зубы. Этот балбес Тан Кайци целых десять лет звал кошку его детским прозвищем!

* * *

На всю деревню Гадань стационарный телефон был только у старосты. Сам староста, Бай Цин, был городским парнем, приехавшим сюда по программе для выпускников вузов. Характер у него был золотой: он всегда разрешал деревенским звонить от него и наотрез отказывался брать деньги за связь.

Тан Кайци было неловко пользоваться добротой за просто так, поэтому он всегда тайком оставлял мелочь под аппаратом. Вот и сегодня он приготовил монеты.

Придя к старосте и поздоровавшись, он выудил из кармана мятый листок с номером.

Отец говорил, что это номер лавки рядом с их общежитием на стройке. Если что срочное — звонить туда. Но связь дорогая, поэтому отец велел по пустякам не беспокоить.

Приезд молодого хозяина — дело важное, Тан Кайци считал нужным сообщить об этом.

— Алло, здравствуйте, позовите, пожалуйста, Тан Дэлун со стройки, — проговорил он на своем ломаном путунхуа.

На том конце после короткой паузы мягкий женский голос ответил:

— Хорошо, подождите минутку.

Тан Кайци подумал, как же красиво говорят в городе: «подождите минутку», «пожалуйста». Такая вежливость! Не то что Куайкуай, который обзывает его сутенером и обвиняет в торговле бычьей честью.

Спустя пару минут в трубке раздалось тяжелое дыхание Тан Дэлуна:

— Алло, Сяоци, это ты?

— Ага, батя, — Тан Кайци разволновался, услышав голос отца. — Как вы там? У мамы и брата всё хорошо?

Тан Дэлун ответил:

— Хорошо всё, хорошо. Мы с братом твоим на стройке кирпичи кладем, всего по четырнадцать часов в день работаем. Мамка твоя на кухне заправляет, на сотню человек готовит, совсем не устает.

У Тан Кайци сердце защемило от жалости. Он сказал:

— Вы там не надрывайтесь. Если совсем худо будет — домой возвращайтесь. Я за эти годы за землей приглядел, урожаи добрые, на еду нам всем хватит.

Тан Дэлун возразил:

— Ну как так-то? Нам с матерью, пока молодые, надо денег заработать, вам с братом дома поставить да на женитьбу накопить.

Тан Кайци шмыгнул носом:

— Бать, прости меня. Глупый я был в детстве.

Тан Дэлун отмахнулся:

— Да ладно тебе, что было, то бывшем поросло. Сын, ты чего звонишь-то, случилось что?

— Случилось. — Тан Кайци торопливо рассказал о возвращении Чжун Маня и спросил:

— Бать, а на сколько мы этот дом сняли?

Тан Дэлун долго мычал в трубку, а потом выдал:

— Ох, ну и задал ты задачку, я и сам уже ни черта не помню. Контракт какой-то подписывали... Давай я его найду и брата твоего пришлю к тебе.

Тан Кайци засомневался:

— Дорога-то нынче дорогая.

Обычно родители и брат приезжали только на праздники, экономя каждую копейку на билетах.

Тан Дэлун настоял:

— Ничего, брат твой по тебе соскучился, пусть съездит, проведает, нам с матерью спокойнее будет. Сын, деньги-то у тебя есть? Если кончатся, пусть брат завезет, я уж как-нибудь пару раз не пообедаю, проживу.

— Есть, бать! — поспешно ответил Тан Кайци. — Вы там ешьте нормально, не экономьте, я в деревне с голоду не помру.

— Ну и ладно. Ты это, — Тан Дэлун добавил наставительно, — Мими столько лет дома не был, прими его как следует. Мы всё ж в его доме живем. Если б не они тогда, мы бы всей семьей на улице куковали.

— Понял, бать.

— И ещё: за той штуковиной своей приглядывай. Чтоб больше бед не чинила и чтоб никто её не видал.

— Ага, помню.

— Ладно, вешаю трубку, звонки нынче кусаются.

Тан Дэлун положил трубку, откинулся в кожаном кресле и поправил свой костюм индивидуального пошива. Выдохнув, он нажал кнопку внутренней связи и на чистом путунхуа произнес:

— В следующий раз, когда поступит звонок с этого номера, подождите минуты две, прежде чем переводить в мой кабинет.

Слишком быстрый ответ мог вызвать подозрения у сына.

Секретарь ответил:

— Слушаюсь, господин Тан.

Жена Тан Дэлуна, Хуа Фан, одетая в изысканное ципао, стояла у массивного стола из сандалового дерева и вытирала глаза платком.

— Всё-таки совестно мне перед вторым сыном, — всхлипнула она. — Ребенок там один, в такой нужде.

Тан Дэлун, увидев слезы жены, тут же бросился её утешать:

— Ох, ну что ты, милая, не плачь! Обстоятельства ведь такие. К тому же, он не голодает. Ты ведь видела его в прошлый раз — здоровый, крепкий парень, мышцы как сталь, разве он похож на страдальца?

Хуа Фан не слушала, её материнское сердце разрывалось от жалости к младшему:

— Лао Тан, может, расскажем ему правду? Заберем его к нам?

Она заводила этот разговор сотни раз, и каждый раз Тан Дэлуну удавалось её переубедить.

Вот и сейчас он завел старую песню:

— Сяоци не такой, как Сяоцэ. Сама ведь знаешь, ему в деревне самое место.

Хуа Фан зарыдала ещё пуще:

— Мы тут в роскоши купаемся, а ребенок там один... Какая же я мать! Я плохая мать!

Тан Дэлун прижал жену к себе, не зная, как унять её горе:

— Дорогая, не говори так. Сяоци и мой сын тоже, неужели я его не люблю? Но вспомни: он ради этой своей твари умом тронулся. Когда мы на прошлый Новый год мясо привезли, он сам почти не ел — всё скормил этой штуке. Если он узнает, что мы богаты, представляешь, что он сделает?

Хуа Фан икнула и спросила:

— Что?

Тан Дэлун ответил:

— Да он всё наше состояние пустит на прокорм этой гадины! Тогда не то что компании и особняка — он твой шкаф с ципао, все твои драгоценности и брендовые сумки промотает!

Хуа Фан в ужасе побледнела. Вспомнив два сгоревших дотла дома в деревне, а потом представив свою гардеробную, полную сумок и украшений, она мгновенно приняла решение:

— Ладно... тогда, может, и впрямь не стоит ему говорить.

Тан Дэлун кивнул, вытирая слезы с лица жены:

— Я знаю, тебе больно, и мне тоже. Сяоци и Сяоцэ — оба мои сыновья, я люблю их одинаково. Давай так: как только этот сорванец найдет себе жену, которая сможет его в узде держать, тогда и откроем ему правду о наших богатствах!

Хуа Фан воодушевилась:

— Точно! Пусть тогда жена с ним и разбирается, когда он вздумает имущество растранижировать.

<http://bllate.org/book/18973/1864232>